

Вечерний Ленинград
г. Ленинград

6 мая 1986 год

В ГАЗЕТНЫХ строчках о Е. А. Лебедеве сказано скупое: удостоен Ленинской премии за роли последних лет. А если призадуматься — так разве за это только? Последние роли — макушка жизни... А сама жизнь Лебедева в искусстве — длинная, как равнинная река, истоки ее — далеко отсюда, но главное течение — все тут, на наших глазах, в нашем городе, уже 36 лет. Большой драматический театр. Режиссер Георгий Александрович Товстоногов. Это — русло. А роли — как струи, которые, сплетаясь, и образуют полноводный поток.

Одна из таких стержневых струй — роль Бессеменова в «Мешанах». Двадцать лет идет спектакль. Снятый на пленку, неоднократно показанный по телевидению, он все не стареет. И прежде всего потому, что неискраем Лебедев — Бессеменов. Кажется, все продумано и выверено актером до тончайшего штриха. Внутренняя жизнь старика вылилась в сплошном внутреннем монологе — так написал Лебедев свою книжку — исповедь горьковского героя «Мой Бессеменов». И все-таки каждый вечер, когда актер выходил на сцену в этой роли, что-то исподволь обновляло ее — может быть, какое-то недавнее впечатление, житейское наблюдение, нечаянная встреча, назревшая наконец мысль... Потому что это — не просто роль, это — и размышление самого артиста о жизни, о ее корнях и смысле. Двигается жизнь — движется роль...

Об актерах говорят: от одного сценического образа к другому он накапливает, оттачивает свое мастерство. Оно так, конечно. Только есть роли, до которых надо еще дожить — дожить душой, сердцем, чтобы было, что сказать. На размышлениях о душе да о созидании вся великая русская литература стоит. И в этом смысле Лебедев — актер очень русский, ему круг таких мыслей естественно близок. Притом, что литературное и исконно народное представление о нравственных началах жизни воссоединились в его творчестве органически. На этой почве и родились его лучшие роли. Именно тогда душевное богатство вкупе с

отточенным мастерством артиста и забирает вас в плен, ошеломляет, потрясает. Как в «Истории лошади», где Пегий — одно из вершинных созданий лебедевского таланта.

Сколько уже написано об этой роли, вырисована словесно, наверно, каждая мизансцена спектакля. И все-таки хочется еще и еще раз вспомнить о бабочке, которая вьется над головой новорожденного жеребенка. И эта же бабочка трепещет крыльшками над умирающим Холстомером. Два великих акта Жизни — Рождение и Смерть. Между ними — сама жизнь пегого мерина, величественная и скорбная, как хорал. Тот, кто видел спектакль, наверно, никогда не сможет забыть ржанье-рыдание-песнь без слов, те потрясающие своей мукой звуки, которые вырываются у Холстомера в самое тяжелое мгновение его жизни. Это кричит поруганное в человеке. Нужды нет, что история — про лошадь... За одну эту сцену можно было бы назвать Лебедева великим трагическим актером.

А пестрокрылой бабочкой, насаженной на тонкую, невидимую залу проволочку, управляет сам артист. Управляет расчетливо и точно. Потому что великолепно владеет своим психофизическим аппаратом, и «что» для него неотделимо от «как». Не может быть у него такого, чтобы душа рвалась к горным вершинам, а тело не попевало. Недаром он с молодости славился тем, что мог сотворить из себя что угодно: суковатое дерево, обросший мхом камень и даже... Бабу-Ягу. Его руки — большие, крепкие, с широкой кистью, руки мастерового человека, могут выразить все. И размашистый, ликующий шаг Холстомера — тоже. Удивительно это сценическое создание артиста — вершина духа, но и праздник лицедейства,

Ленинградцы — лауреаты Ленинской премии

Человек-театр

виртуозной пластики, радости игры. Потому-то и понятен его Холстомер в других странах даже без перевода.

...В своих автобиографических новеллах, опубликованных в конце прошлого года в журнале «Аврора», Лебедев рассказал, как в парижском кабачке, сидя за столами, пели «улица на улице» русские эмигранты и артисты из Большого драматического, который гастролировал во Франции. Наши «перепелки». А он пел тогда народную песню с забавными и трогательными словами: «Побывал бы теперь дома, поглядел бы на котят, уезжал — были слепые, а теперь, поди, глядят...». Простая, бесхитростная песня, а сколько в ней чувства родного дома. В ней — память детства, проведенного на Волге, юношеских лет, прошедших среди мастеровых людей, когда Лебедев перепробовал самые разные работы — и в кузнице, и на стройке, и на кондитерской фабрике, и в ноч-

ном — с конями. Своего рода горьковские университеты (по сокращенной, так сказать, программе), откуда цепкая память будущего артиста вынесла столько житейских наблюдений, характерных черточек облика и повадок многих людей. А потом это, когда-то увиденное, всплыло на сцене в жесте или на бумаге — в штриховом наброске физиономии очередного персонажа — гримировальным карандашом по листку. Эти зарисовки своеобразны, как и причудливые фигурки из веток и корней, — глаз артиста приметлив, видение мира по-детски неожиданно и остро. Натура художника — она сказывается во всем.

На артиста-звезду он внешне совсем не похож. Зато того, что называется «от земли», в нем предостаточно, это у него в крови. Потому таким жизненно правдивым выглядел его солдат из спектакля «Перечитывая заново» — мужичонка собой невзрачный, но с умным взглядом из-под лох-

матых бровей, человек с ружьем, чью жизнь повернула нечаянная встреча с Лениным.

Он знает про каждого из своих героев все. И может без усталости показывать, как они ведут себя в разных обстоятельствах. Фантазия его так неуемна, что порой бывает трудно «затолкнуть» ее в рамки спектакля. Рассказывают, что обычно неулыбчивый Товстоногов хохотал до упаду, до счастливых слез, глядя, как Лебедев репетирует шолоховского деда Шукаря.

Лебедев всегда как бы расширяет «поле действия» своего персонажа. На легу ловит режиссерскую «провокацию», делая, казалось бы, случайное необходимым для себя. Шли репетиции чеховской пьесы. Букет, который дядя Ваня так некстати принес Елене Андреевне, лежал, брошенный, на рояле. Лебедев, будучи в образе профессора Серебрякова, увидел этот «забытый» (а на самом деле оставленный специально режиссером как приманку актеру) букет. И мгновенно была разыграна целая сцена. Конечно же, профессор принял подношение на свой счет — кому же еще дарить розы, как не ему? И он удалился в кабинет, горделиво помахивая букетом, смешной, напыщенный и жалкий в своей слепоте человек. Когда дядя Ваня, приговаривая свое «бац», стрелял в Серебрякова, тот каким-то наивным детским жестом закрывал лицо руками, надеясь таким способом разминуться со смертью. Стадческие недуги и душевное одиночество Серебрякова в этом спектакле подлинны, и герой Лебедева способен не только оттолкнуть вас своей сухостью и ограниченностью, но и воззвать к вашему состраданию. Лебедев любит импровизировать между текстом, поверх текста, вокруг текста, сотворяя пластические паузы, подобные тем паузам корифе-

ев русской сцены, о которых передаются легенды из поколения в поколение. Такие актерские кружева на театре нынче редкость, так что спектакль «На всякого мудреца довольно простоты», где Лебедев играет Крутицкого, стоит смотреть не раз и не два ради одной этой живой легенды. Генерал, и всегда будучи ума не слишком борзого, на старости лет окончательно впал в маразм. Лебедев играет серию этюдов на темы начальственного слабоумия. Каким величественным жестом «отпускает» он от себя хозяина дома, вальяжного Мамаева, искренне полагая в тот момент, что не он, а Мамаев у него в гостях. Как чуть ли не взрывается от умиления, слушая собственные «идеи», издевательски туго переложившие Глумовым в соответствующие «артикулы». А уж как живописна процедура посадки генерала на стул! Ноги и так гнутся плохо, а тут еще всякие «идеи» его озаряют некстати, подбрасывая в который раз опустившееся было тело. Наконец, плюхнулся — как младенец, в последний момент поспевший-таки на ночной сосуд, — великое свершение! И все это актер прodelывает с прелевой серьезностью, чувствуя себя вольготно в стихии гротеска.

Много можно было бы говорить и вспоминать о Лебедеве, ибо он — человек-театр. Но об одном, что питает все его творчество, необходимо сказать особо. Это — жажда жизни и ее энергия. Примножаются годы и болезни, врачи стереотипно рекомендуют покой, а он выходит на сцену и играет так самосжигающе, что впору подивиться, откуда вообще у человека могут быть такие силы. Впрочем, с такой беззаветной самоотдачей всегда творят большие художники. В этом чудо искусства. И еще — чудо жизни, вечно таинственное, великое — и для зрителя, и для самого артиста.

Кстати, свои рассказы в журнале он озаглавил: «Разве это не чудо — жизнь!».

Т. МАРЧЕНКО,
доктор искусствоведения

На снимке: сцена из спектакля «Перечитывая заново».

Фото Ю. ЩЕННИКОВА